

Я предложил Касаткину зайти ко мнѣ — обѣдать, но онъ поблагодарилъ за приглашеніе и пошелъ далѣе.

Со словъ Никифора Корчагина, бывшаго бесѣдника *), записалъ священникъ Ѡ. Добронравовъ.

Воспоминанія о священникѣ Петрѣ Георгіевичѣ Строевѣ.

Прихожане обоихъ селъ, чрезъ рѣчку, Казенной и Удѣльной Маянги собрались 9-го сентября минувшаго года помолиться за торжественнымъ Богослуженіемъ при похоронахъ усопшаго іерея Петра. Здѣсь участвовали пріѣхавшіе отдать послѣдній долгъ почившему сосѣдніе девять священниковъ, во главѣ съ окружнымъ о. Благочиннымъ. Надъ гробомъ собрата сказали прочувствованныя и назидательныя моученія мѣстный Благочинный о. Василий Виноградовъ, с. Балакова о. Константинъ Введенскій и с. Пылковки о. Веніаминъ Соловьевъ. Со слезами въ голосъ они призывали православныхъ помолиться о усопшемъ ихъ пастырѣ, который былъ самъ для всѣхъ доступенъ при жизни, простъ въ обращеніи, прямодушенъ, говорить правду всѣмъ въ глаза, почему его совѣта въ жизни искали не только пасомые, но и пастыри.

Пришли помолиться за своего духовнаго отца и прежніе его прихожане изъ с.с. Еланки и Алексѣевки (Косыревки) и деревень, гдѣ почившій священствовалъ двадцать шесть лѣтъ. Болѣе четверти столѣтія дѣлилъ покойный о. Петръ со своими бѣдными прихожанами с. Еланки и горе, и радость, и отдалъ на служеніе Церкви Божіей молодья силы свои, а остатокъ жизни, въ продолженіи почти 12 лѣтъ, трудился онъ во славу Церкви и на пользу народа въ с. Казенной Маянгѣ, 9-го округа, Николаевского уѣзда, гдѣ Богъ судилъ ему и сложить свои старческія кости близъ св. алтаря, проболѣвъ тяжело и продолжительно, но безропотно.

Всего прослужилъ почившій въ санѣ іерея тридцать восемь лѣтъ и оставилъ послѣ себя добрую память какъ среди прихожанъ, такъ и среди собратьевъ-пастырей, при чемъ для насъ, сравнительно молодыхъ пастырей, опытъ жизни о. Петра можетъ быть

*) Обычно бесѣдники предъ священниками исповѣдуютъ *православное* вѣрученіе. Объ искреннихъ ихъ убѣжденіяхъ можно узнать лишь окольнымъ путемъ, хотя-бы отъ бывшаго виднаго представителя бесѣдничества Н. К--на.

на пользу. Поэтому и считаю своимъ долгомъ, какъ близко знавшій жизнь о. Петра, почтить его память добрымъ посмертнымъ словомъ. Сынъ священника, Петръ Егоровичъ сиротою уже окончилъ курсъ Самарской Дух. Семинаріи въ 1868 году, имѣя на рукахъ мать и двухъ сестеръ невѣсть, почему ему и пришлось только одинъ годъ быть учителемъ Сухо-Вязовскаго (Никол. у.) приходскаго училища, гдѣ онъ подготавливался къ практическому будущему іерейскому служенію. Женившись на дочери священника с. Ивантѣвки, того же у., Иосифа Волковскаго, учитель Петръ Строевъ былъ рукоположенъ Преосвященнымъ Герасимомъ во іерея къ Казанско-Богородицкой церкви с. Еланки, Николаев. у., куда и привезъ новооставленный іерей свою жену и сироты—мать и сестеръ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года. Приходъ Еланскаго расположенъ хотя и въ живописной мѣстности при слияніи рѣки Иргиза съ Волгой, но и тогда считался бѣднымъ, потому что въ немъ и въ причисленныхъ къ нему 11 деревняхъ было двѣ трети старообрядцевъ (около 2500 душъ разныхъ толковъ и упованій), которымъ помогали милціонеры купцы—старообрядцы г. Вольска (въ 15 верстахъ чрезъ Волгу).

Въ новый приходъ о. Петръ привезъ остатки отъ посвященія, расходовъ на одежду и повздки только 40 копѣекъ, да въ первый же мѣсяцъ служенія ему досталось—12 рублей, а въ этомъ мѣсяцѣ была св. Пасха, значить одинъ изъ доходнѣйшихъ мѣсяцевъ приходскихъ! Но не упалъ духомъ отъ этого о. Петръ,—положивъ все упованіе на помощь Божію, сталъ усердно и благоговѣнно служить Церкви Христовой. Постепенно знакомясь съ приходомъ и его нуждами, онъ поневолѣ занялся хозяйствомъ: посѣвомъ хлѣба, бахчей, разведеніемъ садика и огорода, въ чемъ усердно ему помогали его семейные. Обиліе и дешевизна въ той мѣстности поемныхъ (заливныхъ) луговъ, рыбы, овощей и фруктовъ скрашивали хотя немного бѣдную жизнь молодого батюшки, котораго и православные, и старообрядцы полюбили за добродушіе, трезвость, простоту жизни и „истое“ служеніе въ храмъ Божіемъ.

Обладая чистымъ, сильнымъ голосомъ, о. Петръ до самой смерти всегда служилъ отчетливо, съ чувствомъ и не торопясь, — особенно же онъ умиленно и вдохновенно читалъ каноны въ утреню и св. Евангеліе, такъ что невольно его служеніе всѣхъ располагало къ молитвѣ.

Присмотрѣвшись къ приходу на первыхъ годахъ службы, о. Петръ сталъ располагать православныхъ къ устройству новаго

храма, потому что мѣстный старый храмъ, устроенный когда то изъ хлѣбнаго амбара, былъ очень малъ и убогъ: въ длину имѣлъ 9 сажень съ колокольней, ширины 4 сажени, вышиною совсѣмъ, съ крестомъ, 7 сажень; была и колокольня на столбахъ надъ крышей деревянной, покрытой, вмѣсто краски и желѣза, зеленымъ мохомъ. Нерѣдкость было, что и дождь проникалъ въ самый храмъ черезъ худую крышу,—ограды конечно не было, а „праздничный“ колокольъ былъ въсомъ въ 21 пудъ! Такихъ бѣдныхъ храмовъ теперь уже нѣтъ въ нашей епархіи, да и въ другихъ углахъ отечества не скоро найдешь такого убожества храма, развѣ гдѣ либо пріютились они въ лѣсахъ и тундрахъ нашего родного дикаго Сѣвера. Но, при всей бѣдности храма, хорошо было молиться тамъ, въ этой малой и бѣдной церковкѣ, гдѣ сердце радовалось отъ умильнаго служенія батюшки, пѣнія и чтенія степенныхъ ревнителей древняго церковнаго пѣнія. О. Петръ самъ разыскалъ такихъ пѣвцовъ въ приходѣ и благословилъ ихъ „трудиться на клиросѣ“ во славу Божию и на помощь одному прежде пономарю,—много даже слезъ умиленія за сего службою пролили прѣзжавшіе къ службѣ Вольскіе купцы, которые разносили добрую молву „про Еланскаго батюшку“. Видя бѣдность прихода, Вольскій купецъ—милліонеръ, хлѣбникъ Плигинъ, бѣглопоповскаго упованія, вызывалъ о. Петра лично за расчетомъ за проданный о. Петромъ ему хлѣбъ и неоднократно уговаривалъ Еланскаго батюшку перейти въ старообрядство, при чемъ давалъ о. Петру въ обезпеченіе семейства 30 тысячъ единовременно и по три тысячи въ годъ на всемъ готовомъ отъ Плигина, лишь бы батюшка согласился служить въ него Плигинской часовнѣ въ г. Вольскѣ „на горахъ“,—говоря: „больно ужъ, отецъ, ты намъ всѣмъ пондравился за службу и честное житіе,—брось Никоніанствъ, иди къ намъ,—озолотимъ“! Но гордый милліонеръ Плигинъ всегда получалъ отъ о. Петра должный отказъ, что „души своей и пріосыти оны не продасть“ и—назиданіе и увѣщаніе о погибелѣ старообрядцевъ отъ старопечатныхъ ихъ же книгъ за расколъ съ православной соборной церковію.

Упованіе на помощь Божию и молитвы святыхъ не посрамилъ молодого и бѣднаго батюшки: при полной скудости приходскаго содержанія отъ службы, о. Петръ хорошо выдалъ обоимъ своимъ сестеръ—невѣсть,—одну за кандидата священства, а другую за частнаго повѣреннаго, а старушкѣ матери выстроилъ въ садикѣ „келію“ особую,—и все это оны добылъ не столько отъ

прихода, сколько отъ бережливаго хозяйства. Старообрядцы перестали уже косо смотрѣть на „Никоіанскаго попа“, а приходили къ батюшкѣ запросто и бесѣдовали „по душамъ“, безъ публичныхъ преній, гдѣ высказывали свои сердечныя мысли и сомнѣнія „въ тайнѣ“, результатомъ чего было въ теченіе всей жизни о. Петра въ Еланкѣ болѣе 150 душъ обратившихся изъ раскола въ православіе, но онъ объ этомъ изъ скромности не заявлялъ начальству, говоря товарищамъ—собратьямъ по этому поводу: „для чего еще беспокоить перепиской начальство и бередить душу новоприсоединенныхъ,—Богъ съ ними, Онъ имъ и будетъ помощникомъ“!

Видя бѣдность прихожанъ, о. Петръ убѣдилъ свою паству ежегодно сѣять „на храмъ“ одну или двѣ десятины хлѣба, который „для души спасенія“ убирала старушки и ревнители церкви Божіей „помочью“ и такимъ образомъ, въ теченіе 20 лѣтъ, собрано было попечительствомъ достаточно средствъ на покушку лѣса на новый храмъ. Тутъ то и оправдалась русская пословица: „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“! Но жизнь всегда посылаетъ испытанія: первенецъ—сынъ о. Петра, уже ученикъ Николаевского духовнаго училища, тяжело захворалъ, такъ что доктора недоумѣвали, чѣмъ помочь больному. Тогда о. Петръ, при всей своей бѣдности, даетъ обещаніе: „сѣздить на моленіе къ святому преподобному Сергію, если Богъ подыметъ сына“. И Богъ помогъ: сыну стало легче, а когда стало можно уже и вѣхать, то о. Петръ, прибывъ къ преподобному Сергію въ Троицкую Лавру, со слезами молитвы приложилъ больного сына къ мошамъ святого Сергія и отслужилъ самъ, съ разрѣшенія о. игумена, при мошахъ угодника акафистъ и молебень съ водосвятиемъ,—и къ радости родителей сынъ ихъ выздоровѣлъ совсѣмъ и сталъ ходить безъ посторонней помощи въ тотъ же день. Радостно благодарила семья вся святого угодника Божія Сергія за помощь свыше, а по дорогѣ домой помолились и святынямъ Московскимъ. Такой вѣрѣ пастыря и помощи святого Сергія дивились даже и старообрядцы прихода села Еланки и сосѣднихъ селъ, потому что воочью убѣдились въ полномъ выздоровленіи прежде неизлѣчимаго сына Еланскаго батюшки и прославляли святого угодника Божія Сергія.

Еще по дорогѣ изъ Москвы одинъ купецъ благотворитель Ч.—цевъ, случайно узнавъ изъ разговора съ о. Петромъ о его многолѣтней заботѣ—построить новый храмъ въ бѣдномъ Еланскомъ приходѣ, заинтересовался этимъ дѣломъ; послѣ самъ пріѣз-

жалъ въ село, убѣдился въ справедливости словъ Еланскаго батюшки и на три тысячи прислалъ утвари и облаченій церковныхъ, а также и колоколь въ новый храмъ. Когда все отстроили въ просторномъ новомъ храмѣ, православные благодарили Бога, а пастырь ихъ со слезами благодарными поздравлялъ Еланцевъ съ окончаніемъ труднаго, въ теченіе двадцати лѣтъ поддерживаемаго, Божьяго дѣла постройки святаго храма. Много пришлось веѣмъ испытать огорченій при этой стройкѣ, особенно отъ старообрядцевъ, которые, при основаніи православнаго храма, ночью растаскивали бревна, положенныя плотниками за день, и это неоднократно продѣлывали съ усердіемъ, достойнымъ удивленія, такъ что пришлось церковнымъ попечителямъ по очереди съ караульщиками оберегать постройку отъ злыхъ фанатиковъ. Мало того, старообрядцы грозились прямо сжечь новый православный храмъ, но энергичный о. Петръ застраховалъ отъ огня постройку и материалы храма, а въ остальномъ положился на помощь Божіей Матери, въ честь коей устраивался храмъ, и вѣра православныхъ оправдалась: небесная „Взбранная Воевода“, Матерь Божія приняла усердные труды Еланцевъ и новый просторный храмъ уже съ желѣзною крышею, вышиною въ 21 сажень, благополучно, къ радости православныхъ, отстроили, а рядомъ стоящій старый храмъ казался предъ новымъ старенькой часовой.

Но не дремали и враги православія: начетчикъ и „старшая“ старообрядцевъ возревновали о радости православныхъ и, придравъ къ тому, что православные, во главѣ со священникомъ, загородили вокругъ храма новую ограду безъ нихъ, старообрядцевъ-односельчанъ спроста, подали жалобу на о. Петра, возводя на него небывлицы, но изъ тягостнаго слѣдствія онъ вышелъ съ честью оправданнымъ и получилъ даже благодарность отъ Пресвященнаго Серафима, который, заинтересовавшись дѣломъ, самъ читалъ отзывы свидѣтелей и изъ нихъ узналъ и оцѣнилъ труды Еланскаго батюшки.

Но самъ о. Петръ тоже не унывалъ, у него уже была новая забота: какъ бы использовать старый храмъ для деревень прихода, коихъ было 11,—нѣкоторыя отстояли отъ приходскаго храма въ 10 верстахъ и болѣе, а при продолжительномъ весеннемъ разливѣ рѣкъ Иргиза и великой кормилицы Волги, сообщеніе съ деревнями возможно было только лодками, что было крайне неудобно для всѣхъ. О. Петръ тогда предложилъ самой большой деревнѣ Косыревкѣ (Алексѣевкѣ тожь), имѣвшей до 160 дворовъ,

и хутору Шлеханамъ, числомъ въ 120 дворовъ (съ старообрядцами), расположеннымъ другъ отъ друга въ 2-хъ верстахъ, перенести старый храмъ къ себѣ, на что Косыревцы съ радостью согласились, а батюшка побѣхалъ въ губернію ко Владыкѣ, коему изложилъ свой планъ и къ радости всёхъ получилъ отъ Владыки благословеніе на это дѣло.

Но когда разломали старый храмъ, то тамъ оказалось большинство бревень гнилыми, такъ что изъ нихъ можно было устроить, и то съ трудомъ развѣ, малую часовню. Но не падалъ духомъ энергичный о. Петръ: онъ самъ отправился въ контору ближайшихъ имѣній за Волгой графа Орлова-Давыдова и близъ св. Балакова графини Ливень, у коихъ, при посредствѣ знакомыхъ управляющихъ, выпросилъ изъ ихъ родовыхъ лѣсовъ на восстановление храма 380 дубовъ и 200 березъ и сокорей, — эти бревна прихожане Косыревки и другихъ деревень сами привезли, а для начала дѣла Еланскій батюшка собралъ съ попечителями помочь и самъ возить „на тачкѣ“ песокъ къ фундаменту, а деревенскимъ старухамъ и ребятамъ указывалъ, какъ укладывать „въ кубики“ кирпичъ и „камни—дикари“, привезенные на плоть Волгой, — ихъ пожертвовалъ Балаковский лѣсопромышленникъ С—цевъ. Волбскіе купцы, по просьбѣ о. Петра, жертвовали — кто досокъ, кто извести, кто краски и гвоздей, а кто желѣзо и бревна, — однимъ словомъ кипѣла работа! Черезъ три года усиленной дружной работы, при помощи Божіей и добрыхъ людей, засіялъ Св. Крестъ на новомъ храмѣ въ Косыревкѣ: правда этотъ крестъ былъ только изъ жести бѣлой, но золотилъ его вѣра и радость православныхъ чадъ церкви, которые съ тѣхъ поръ имѣли „свой храмъ“, свое убѣжище вѣры и молитвы, который сталъ имъ такъ необходимъ среди фанатиковъ старообрядцевъ, которые всегда кичились своими богатыми „моленными“.

Иконостасъ въ новый храмъ Косыревки, къ ихъ радости, пожертвовали, по просьбѣ о. Петра и при посредствѣ родственника его, священника о. Лавра Малютина, прихожане Троицкой церкви слободы Покровской, Новоузенскаго уѣзда, гдѣ устраивался въ то время новый богатый иконостасъ. При чемъ ктитореъ Троицкаго храма, милліонеръ К—ръ пожертвовалъ бѣдному деревенскому храму Косыревки облаченія и утварь. Трогательно и радостно было видѣть о. Петру и всёмъ помощникамъ его, какъ Богъ видимо помогалъ и въ этомъ св. дѣлѣ бѣднымъ Косыревцамъ, которые, „по усердію и артелью“ снарядили „свой паромъ

дощаникъ“ (большая лодка человекъ на 50-ть) и спустились до Ст. Покровской Волгой за св. иконостасомъ „въ свой храмъ“ и везли его домой, „на веслахъ“ противъ теченія Волги до 200 верстъ:—по истинѣ, „вѣра горами двигаетъ“!

Съ тѣхъ поръ пароходныя „команды“ и постоянныя пассажиры, влущіе Волгой, которая протекаетъ въ 4-хъ верстахъ отъ Косыревки, съ удивленіемъ, а многіе и радостію, стали невольно замѣчать блестящій крестъ новой церкви изъ-за Косыревскаго и „барскаго“ лѣса, и много благоговѣйныхъ людей невольно поднимали руки для крестнаго знаменія, на новую церковь любясь. Зеленяя главки (крытые желѣзомъ даже) блестятъ и по нынѣ на солнцѣ и освѣняютъ св. крестомъ зеркальныя воды „Воложки“ и быстрой матушки Волги!

Еланскій батюшка добровольно отказался для душевной пользы деревенскихъ прихожанъ своихъ отъ половины и безъ того скудныхъ доходовъ и допросилъ у Епархіальнаго Начальства самостоятельный причтъ въ деревню Косыревку, гдѣ, съ благословенія Преосвященнаго Владимира (нынѣ Митрополита Московскаго) и былъ открытъ самостоятельный единовѣрческій приходъ св. Алѣксѣевки (Косыревки) съ казеннымъ жалованіемъ при новомъ Михаило-Архангельскомъ храмѣ, и съ тѣхъ поръ дѣло миссіи православною тамъ растетъ, а гордое старообрядство падаетъ.

(Окончаніе будетъ.)

Изъ мѣстной жизни.

Окончаніе занятій въ духовной семинаріи. 7 іюня, послѣ молебна въ семинарской церкви, отслуженнаго о. ректоромъ семинаріи, въ сослуженіи о. духовника и при пѣніи хора воспитанниковъ выпускнаго класса, окончилась занятія въ семинаріи. Окончило курсъ въ текущемъ году 29 воспитанниковъ; изъ нихъ семь съ званіемъ студента семинаріи (четверо послѣднихъ рекомендованы семинарскимъ начальствомъ къ поступленію въ духовныя академіи) и двадцать два съ правами окончившихъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Сверхъ того, шестнадцать воспитанникамъ назначены переэкзаменовки по предметамъ курса послѣдняго класса. Послѣ молебна воспитанники, во главѣ съ о. ректо-

Годы.	ШКОЛЫ.	Число учителей и учительницъ.				
		Получившихъ средняго образованіе.	Со свѣдѣн. на званіе учителя начальной школы.	Имѣющихъ знаніе учительн. грамоты.	Неимѣющихъ никакого свѣдѣн.	
1903	Одноклассныхъ шк.	287	271	73	23	
	Школь грамоты	11	72	309	60	
1907	Одноклассныхъ шк.	298	321	59	6	
	Школь грамоты.	17	129	171	16	

Учашія, имѣющія свидѣтельство на званіе учителя школы грамоты, или неимѣющіе никакого свидѣтельства, состоятъ вторыми учителями или учительницами въ одноклассныхъ школахъ.

Н. Архангельскій.

Воспоминанія о священникѣ Петрѣ Георгіевичѣ Строевѣ.*)

Добродушіе и желаніе вѣсѣмъ помочь всегда были въ характерѣ о. Петра,—это проявлялось не только среди православныхъ, но и среди старообрядцевъ и даже иновѣрцевъ. Такъ по мѣту 1887 года Епархіальнымъ Начальствомъ было поручено о. Петру произвести формальное слѣдствіе надъ патеромъ Евангелическо-Лютеранскаго исповѣданія — Давыдовымъ изъ сосѣдней (въ 12 верстахъ) нѣмецкой колоніи Панинской и Шафхаузенъ. Дѣло было въ томъ, что нѣмцы, возбужденные мѣстнымъ „шульмейстеромъ“ (нѣчто въ родѣ дьякона-учителя) противъ своего патера, не находя удовлетворенія себѣ по суду Московской Евангелической консисторіи, стали силою съ кольями выгонять своего патера изъ ихъ общественнаго богатаго дома, при чемъ выбили у него окна, срубили прекрасный фруктовый садикъ при домѣ,—дали клятву не обращаться ни за какими службами къ патеру Давыдову,—съ душой желая къ себѣ въ патеры „шульмейстера“, —однимъ вловомъ учинили цѣлый бунтъ, но русская полиція кое какъ успокоила хотя немного нѣмцевъ.

*) См. № 12.

Тогда колонисты догадались подать жалобу на своего патера нашей православной Консistoriи, обвиняя патера Давыдова въ томъ, что онъ подтверждалъ православную дѣвушку русскую и повѣнчалъ ее съ нѣмцемъ лютераниномъ, за что, по тогдашнему времени, патеру Давыдову законъ угрожалъ Сибирью.

Положеніе православнаго священника среди озлобленныхъ нѣмцевъ было не изъ завидныхъ, но природная находчивость о. Петра помогла ему и тутъ: стороною отъ русскихъ и знакомыхъ нѣмцевъ онъ узналъ, въ чемъ и изъ за чего началось дѣло, а нѣмцы только и твердили, что они желаютъ „изгнать своего патера коломъ“, патерь же не иначе своихъ прихожанъ называлъ, какъ „русскія свиньи“, а этого прозванья колонисты терпѣть не могутъ! Тогда слѣдователь, о. Петръ, разъяснилъ патеру Давыдову опасность его положенія по обвиненію и убѣдилъ его немедленно подать „въ отставку“, чтобы успокоить нѣмцевъ,—а его разъясненныхъ прихожанъ колонистовъ уговорилъ чрезъ переводчиковъ, что тогда только онъ заставить уйти изъ ихъ прихода патера Давыдова, если они не станутъ шумѣть и бросать колья, а по завѣту Спасителя Иисуса Христа простятся со своимъ патеромъ. Обрадовались нѣмцы возможности отдѣлаться отъ нелюбимаго патера и успокоились и даже пошли „объясниться и проститься“ съ патеромъ Давыдовымъ въ присутствіи о. слѣдователя,—при чемъ патерь, въ знакъ примиренія, всѣмъ колонистамъ подарилъ къ ихъ удовольствію нѣсколько тысячъ „сигаръ“ дорогихъ. Когда же, спустя сутки, о. слѣдователь читалъ отвѣтную телеграмму Московской Евангелической Консistoriи о томъ, что „отставка патера Давыдова принята и рѣшена“, радостные нѣмцы неистово махали своими соломенными шляпами и хвалили русскаго батюшку, говоря: „а да хорошъ русскій патерь,—какъ скоро онъ прогналъ къ шорту (дьяволу) нашего патера Давыту“, и на радостяхъ, по окончаніи слѣдствія, подъ о. Петра подали тройку ямскихъ лошадей съ бубенцами, и до околицы съ поклонами провожали его домой, давъ слово не громить больше домъ патера!

Разстроенный патерь Давыдовъ одновременно посѣщилъ уѣхать въ свое богатое имѣніе, потому что нѣмцы не позволили и часу остаться ему въ общественномъ домѣ (собственно казенномъ, выстроенномъ еще при Императрицѣ Екатеринѣ 2-й, вмѣстѣ съ „Киркою“ (храмъ изъ камня).

Патерь Давыдовъ, напугавшись печальнаго оборота дѣла, вызвалъ телеграммой же своихъ дѣтей: сына, студента богословія изъ

Оксфордскаго Королевскаго Университета (въ Англи), и дочь—институтку изъ Риги; при чемъ сынъ его студентъ, узнавъ о добромъ примирителѣ, Еланскомъ батюшкѣ, нарочю прїѣзжалъ послѣ слѣдствїя къ о. Петру съ визитомъ и со слезами на глазахъ благодарилъ о. Петра за христіанскую помощь его злополучному отцу.

Сельскїй бѣдный русскїй батюшка просто сказалъ прїѣхавшему на собственныхъ рысакахъ въ пролеткѣ, изъ имѣнія, визитеру, что благодарить не за что: „по завѣту Христа я сдѣлалъ, что могъ,—а вотъ вамъ, молодой человекъ, это урокъ и скажите своимъ товарищамъ, чтобы они свысока не смотрѣли на бѣдныхъ русскихъ священниковъ, которые служатъ Христу со смиренїемъ“.

Одѣтый джентльменомъ студентъ Оксфордскаго университета въ почтительной позѣ принялъ урокъ отъ сельскаго бѣднаго батюшки русскаго и съ безчисленными поклонами отправился въ свое богатѣйшее имѣніе, при чемъ его кучеръ, конечно, на много дороже имѣлъ на себѣ костюмъ, чѣмъ Еланскїй батюшка.

Старанїями же о. Петра въ с. Еланкѣ выстроена на казенный счетъ церковно-приходская прекрасная школа, въ которой онъ съ усердіемъ занимался, при чемъ дѣти, коихъ онъ и въ приходѣ всѣхъ зналъ поименно, его любили за простоту и отеческія наставленїя. Мало того, имѣя феноменальную память на лица, о. Петръ, къ удивленїю многихъ, узнавалъ по голосу, кто именно изъ прихожанъ и изъ какой деревни прїѣзжалъ за нимъ ночью „съ требой“. Не брезгалъ о. Петръ входить въ нужды прихожанъ и по житейскимъ дѣламъ: онъ зналъ, у кого сколько скотины, кто каковъ домохозяинъ, многихъ лѣчилъ, чѣмъ и какъ умѣлъ, потому что даже и фельдшера не было на всѣ 11 деревень и село.

Народъ такъ привыкъ къ своему батюшкѣ, что шелъ къ нему за совѣтомъ и по хозяйству, и „покалякать по душамъ“; не рѣдкость было встрѣтить Еланскаго батюшку на мѣстныхъ ярмаркахъ выбирающимъ для своего неопытнаго прихожанина, по усиленной просьбѣ, корову или лошадь, при чемъ опытности Еланскаго батюшки побаивались плутоватые торгаши—„прасолы“.

Не стѣнялся работать онъ и въ полѣ, на покосѣ, на гумнѣ, въ огородѣ и своемъ садикѣ, а при частыхъ переправахъ лодкой онъ управлялъ не хуже любого рыбака даже въ сильную бурю на Волгѣ! Правда, при вспыльчивости о. Петра, была даже въ немъ какъ бы и грубоватость въ обращенїи,—напримѣръ: уви-

дять о. Петръ, что старушки послѣ вечерни остались кучкой въ колокольнѣ и суетливо о чемъ то съ жестами разговариваютъ, — увидить ихъ о. Петръ и начнетъ пробираться, зачѣмъ разболтались въ колокольнѣ: „ну, старья, ступайте по домамъ, вѣдь все судите да рядите своихъ дѣтей да снохъ“; старухи спѣшать отъ зычнаго окрика батюшки поскорѣе убраться „по добру, по злову“, — но никто о. Петра за это не осуждалъ и даже уважали за это, потому что, навѣрное, инстинктомъ чувствовали его прямоту сердца и незлобивость. За то и любили прихожане о. Петра такъ, какъ дай Богъ каждому.

Въ голодный 1891-й годъ о. Петръ ископотахъ на голодающихъ прихожанъ своихъ на всѣ деревни „столовую“ на три тысячи человекъ, не боясь труда и отчетности, лишь бы накормить голодныхъ, когда же вышла „заминка“ въ доставленіи денегъ на столовую отъ бывшего тамъ Земскаго Начальника г. Ш—го, то онъ, не видя другого исхода (кормить было надо каждый день 3 тысячи), рѣшился дать телеграмму Губернатору о положеніи столовой и средства сразу явились. За то и благодарили голодные о. Петра за его труды и заботы о нихъ, потому что безъ столовой многие рисковали умереть съ голоду.

Новый Преосвященный—Гурій, узнавъ о трудахъ Еланскаго батюшки, желая дать возможность о. Петру отдохнуть отъ трудовъ въ болѣе обеспеченномъ приходѣ и спокойномъ (безъ деревень), перевелъ о. Петра въ сосѣдній (въ 10 верст.) приходъ с. Казенной Маянки, хотя объ этомъ о. Петръ и не думалъ, предполагая умереть въ своей Еланкѣ у новаго, дорогого ему, храма Безропотно подчинялся о. Петръ волѣ Владыки, но не безъ слезъ, конечно, прошался со своей почти родной паствой и устроеннымъ его заботами храмомъ, а также со своими руками разведеннымъ садикомъ и огородомъ. Плакали навзрыдь и всѣ прихожане, провожая своего добраго батюшку, приходили за благословеніемъ множество его крестниковъ и крестницъ, нѣкоторые имъ же были почти на свой счетъ и поженены; приходили толпами и старообрядцы и отвѣшивали батюшкѣ „поклоны по уставному“, а школьники дѣти провожали своего „добраго и ласковаго батюшку“ за озеро въ луга, до большой дороги.

Сталъ такъ же усердно трудиться о. Петръ и въ новомъ Михаило-Архангельскомъ приходѣ с. Казенной Маянки, гдѣ онъ организовалъ церковное попечительство, устроилъ добротворядочный на первое время хоръ, а самъ благоговѣйнымъ, отчетливымъ слу-

женіемъ и простотою и задшевностію обращенія съ народомъ привлечь на свою сторону даже самыхъ холодныхъ къ посещенію храма Божія маянцевъ; видимо, молящихся въ праздники за службами церковными все прибывало. Но духовная связь прежнихъ прихожанъ съ о. Петромъ не прерывалась до самой его смерти. Такъ чрезъ годъ по уходѣ о. Петра въ Еланкѣ сгорѣлъ наполовину новый храмъ отъ оставленнаго сторожемъ незатушеннаго огарка въ кадилныхъ угляхъ. Приѣхали со слезами и горемъ своимъ церковные почитатели Еланскіе къ „своему батюшкѣ“, о. Петру, въ Маянгъ; онъ сказалъ въ ближайшій праздникъ новымъ прихожанамъ прочувствованное поученіе съ приглашеніемъ помочь сосѣдямъ въ возстановленіи полусгорѣвшаго храма Еланскаго. Онъ же убѣдиль мѣтнаго жителя богатаго въ с. Маянгѣ, Григорія Аверьяновича, пожертвовать цѣлый плоть лѣсу на Еланскій храмъ, купить облаченія и устроить тамъ иконостасъ. Съ тѣхъ поръ о. Петръ, видя доброе сердце у Григорія Аверьяновича, постарался его провести въ церковные почитатели, какъ человѣка энергичнаго и умнаго, а черезъ три года уговорилъ прихожанъ избрать его и въ церковные старосты, предполагая въ немъ будущаго украсителя мѣтнаго храма.

На самомъ дѣлѣ угадалъ о. Петръ и убѣдился, что не ошибся въ Григоріѣ Аверьяновичѣ Бурмистровѣ, который вскорѣ же, по благословенію и просьбѣ своего батюшки, устроилъ на свой счетъ въ 10 тысячъ новый иконостасъ, привезъ въ три тысячи рублей колоколь на новую, имъ же отстроенную колокольню, надъ которой поставилъ дорогіе зеркальные кресты.

По просьбѣ о. Петра Гр. Ав. Бурмистровъ устроилъ въ Маянгѣ каменную, въ семь тысячъ руб., церковно-приходскую школу, а старое зданіе церковной сторожки изъ Маянга перевезъ, купивъ ее у общества, въ село Алексѣевку (Косыревку) прежнимъ прихожанамъ о. Петра, — тамъ, прибавивъ новаго лѣсу, устроилъ онъ хорошую церковно-приходскую школу на радость Косыревецевъ, у коихъ до того времени не было никакой школы. Для души спасенія уговаривалъ о. Петръ благотворителя Гр. Авер. съ его супругой съѣздить на поклоненіе ко св. мощамъ угодниковъ Кіевскихъ, — послѣ чего г. Бурмистровъ, по благословенію своего любимаго батюшки, многими деньгами помогалъ новостроющимся сосѣднимъ храмамъ, а въ деревнѣ Бѣльковкѣ, близъ Стольпинскихъ сѣрныхъ водъ устроилъ на свой счетъ новый полукаменный храмъ въ 25 тысячъ, да въ деревню Платневку за

Волгой, Вольскаго уѣзда, пожертвоваль старую церковь с. Удѣльной Маянки, купленную имъ у общества, за устройствомъ новой, за три тысячи. И до сихъ поръ Григорій Аверьяновичъ съ супругою Степанидой Леонтьевной, какъ бездѣтные, благотѣльствуютъ и помогаютъ бѣднымъ храмамъ во спасеніе душъ своихъ, сердечно благодаря уже умершаго „своего батюшку“ о. Петра за то, что только онъ одинъ сумѣлъ направить ихъ старанія и капиталъ на добрыя дѣла и украшеніе св. храмовъ, а раньше они только копили капиталъ, сами не зная для чего.

Слушался о. Петра Григорій Авер. какъ добрый сынъ своего любимаго отца, почему и называль его всегда „папашенькой“, который наставляль его только—на дѣла милосердія ближнимъ. Такъ въ смутное время, по лѣту и осени 1905 года, сосѣдніе нѣмцы колонисты увезли изъ посѣвовъ Григор. Авер. на десять тысячъ рублей хлѣба, въ снопахъ: сгоряча г. Бурмистровъ вызваль казаковъ и полицію, но когда объ этомъ узналь о. Петръ, то уговориль своего духовнаго сына „ради Христа Спасителя и для души своей“ не дѣлать кровопролитія „и простить голодныхъ нѣмцевъ, тоже крещенныхъ“. Тогда Григ. Авер. вызванныхъ казаковъ, съ уплатою имъ содержанія, чрезъ заявленіе начальству попросиль уѣхать, объявивъ, что „нѣмцевъ голодныхъ онъ прощаеъ и дарить имъ свой хлѣбъ“. Съ радостію пришель послѣ того Григор. Авер. къ о. Петру, говоря: „благодарю васъ, папашенька, что сдѣлали меня съ праздникомъ, сердце радуется, что такъ обошлось, а то бы было кровопролитіе, вѣдь нѣмцы гордые, они бы не послушались уговоровъ, Богъ съ ними! Такъ, вмѣстѣ со своимъ батюшкою, онъ радовался и благодариль Бога—видимо доброе сердце и воля согрѣвають свою добротой и другихъ!

Двѣнадцать почти лѣтъ трудился о. Петръ въ Казенной Маянкѣ, гдѣ его такъ же полюбили за его „душевность“.

Своимъ прямымъ характеромъ о. Петръ на окружныхъ сѣздахъ духовенства неоднократно рѣшался идти съ меньшинствомъ голосовъ, если видѣль на ихъ сторонѣ правду, и безбоязненно всѣмъ въ глаза говорилъ правду, чрезъ что при прежнихъ благочинныхъ у него выходили служебныя „недоуразумѣнія“, такъ что только за четыре года до смерти своей, о. Петръ, получилъ, по благословенію Преосвященнаго нашего Константина, свѣдальный наперсный крестъ

„за ревностные труды Церкви Божіей“

Епархіальное начальство въ теченіе прежнихъ лѣтъ службы о. Петра присылало неоднократно къ нему „на исправленіе“ штрафованныхъ священнослужителей и псаломщиковъ. Сколько съ ними видалъ горя и заботы о. Петръ,—это извѣстно только Богу да ему, покойному труженику для ближнихъ. За то многихъ довелъ онъ до раскаянія и трезвости, за что многіе и до сихъ поръ благодарятъ о. Петра и, несомнѣнно, помянутъ его душу за упокой, узнавъ о его смерти.

Такъ же усердно занимался и старался быть полезнымъ своею опытностію въ жизни и знаніемъ психологіи людей о. Петръ и съ окончившими курсъ Семинаріи псаломщиками, коихъ у него перебивало, по нѣскольку лѣтъ, четверо.

Въ семействѣ своемъ принималъ ихъ о. Петръ какъ родныхъ, одного, захворавшаго тифомъ перевезъ къ себѣ въ домъ и, съ опасностію заразиться, ухаживалъ за нимъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до его полного выздоровленія, посылая въ городъ за докторомъ на свой счетъ. Изъ нихъ трое и теперь священствуютъ и двоимъ Богъ привелъ хоронить о. Петра и говоритъ надъ нимъ прощальное слово, гдѣ они вспоминали заботы отеческія о нихъ во время ихъ молодости и со слезами возносили за него молитвы къ престолу Божию. Да и было за что поблагодарить! Хорошо помню, что о. Петръ на своихъ лошадахъ за двоихъ „богослововъ“—псаломщиковъ ѣздилъ и сватать невѣсть вмѣсто отца, потому что одинъ „богословъ“ былъ сирота, нынѣ умершій уже въ іерейскомъ санѣ, а другой уроженецъ дальней сѣверной губерніи отъ бѣдныхъ родителей. О. Петръ заботился объ ихъ интересахъ какъ настоящий отецъ жениховъ—„богослововъ“, да и послѣ онъ не отгазывалъ имъ, уже вступившимъ въ жизнь, своимъ отеческимъ совѣтомъ, какъ жить, служить Богу и людямъ и умѣть управлять собою и семействомъ.

За послѣдніе годы горько сокрушался о. Петръ, будучи уже больнымъ, о всеобщемъ упадкѣ вѣры, о нестроеніяхъ бѣдной родины, о проиходившихъ постоянно смутахъ и погонѣ за наживой, а такъ же о несчастныхъ калѣкахъ солдатикахъ, вернувшихся съ послѣдней тяжелой войны,—солдатикамъ онъ и самъ помогалъ, и другихъ располагалъ къ жертвѣ на нихъ, убитыхъ же на войнѣ поминалъ за каждымъ Богослуженіемъ поименно.

Обижался за послѣднее время о. Петръ и на своего младшаго сына, который, по окончаніи курса Семинаріи Духовной, не пожелалъ идти, по примѣру отца и старшаго брата, на духовное

служеніе, а подчиняясь новомодному теченію, ушелъ учиться въ университетъ, почти противъ воли своего престарѣлаго родителя но и въ эти послѣдніе тяжелые дни нестроенія и непослушанія уже тяжело больной о. Петръ не ропталъ, а говорилъ, умирая: „да будетъ во всемъ Воля Божія“!

Передъ смертью о. Петръ пожелалъ поособоваться, простился съ прихожанами, благословилъ семейныхъ и друга своего „Гришу“, какъ онъ называлъ г. Бурмистрова и „Стешу“, супругу г. Бурмистрова и на ихъ рукахъ 6-го сентября м./г. предалъ Богу душу, будучи 63-лѣтъ отъ роду.

Миръ праху твоему и вѣчное упокоеніе въ царствѣ Божіемъ, дорогой нашъ труженикъ отецъ Петръ!

„Собрать почитанію“.

Забытая могила.

(Къ 20-му іюня).

Двадцатаго іюня, въ день памяти Пресвященнаго Гурія, мнѣ пришлось посѣтить его одинокую могилу въ зимнемъ храмѣ Симбирскаго кафедральнаго собора. Былъ двѣнадцатый часъ, тотъ часъ, когда прежде въ этотъ день торжественно справлялась архіерейская служба и „сонмъ многъ“ духовныхъ лицъ „сослужили“ преосвященному архипастырю, а еще большій „сонмъ“ былъ приходившихъ „помолиться о его здоровьи“ и „принести ему свое поздравленіе“. Но на этотъ разъ около его могилы не было ни торжественной службы, ни обычныхъ посѣтителей.

Не видя надлежащей празднично-поминающей обстановки и удивляясь людскому непостоянству, я невольно обратился къ сторожу, меня сопровождавшему:

— Былъ сегодня ктонибудь здѣсь?

— Нѣтъ, никто не былъ. Впрочемъ, подумавъ сказалъ онъ, были родственники покойнаго Владыки, обѣдию „заказывали“.

А больше никто не былъ?

— Никто, отвѣтилъ сторожъ и удивился моему вторичному вопросу.

Да... теперь некому уже приходиться сюда...